

Пауль Аристе (1905-1990)

Отрывки из книги „Mälestusi“

(Воспоминания).

Редактор Март Орав.

Тарту, Эстонское литературное общество, 2008

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

В советские годы, в 1940-41 гг. меня избрали в актив факультетского профсоюзного комитета. Этого было достаточно для того, чтобы я в глазах немцев и им сочувствующих был скомпрометирован. В университете меня оставили, но только ассистентом. Сначала я должен был работать в университетской библиотеке. Там был и другой скомпрометированный человек – профессор Уку Маазинг. Нам поручили регистрацию книг на языках идиш и иврит. В университетскую библиотеку поступило тогда несколько тысяч книг из личных книжных собраний евреев, уехавших в тыл, и из библиотек, упраздненных еврейских обществ и корпораций. Эти книги к нам направлял немецкий офицер Кёлер. Он занимался вопросами культуры, и не мог допустить, чтобы книги были просто уничтожены. Мы работали с воодушевлением, потому что книги были интересными, среди них попадались и редкие издания. Я бы с удовольствием оставил себе несколько книг, но не осмеливался принести домой книги с еврейским шрифтом. Из собрания профессора Лазаря Гульковича я все же положил в карман вышедшее в конце 16 века в Амстердаме миниатюрное издание в кожаном переплете “*Seder olam rabba*”¹ В университетскую библиотеку поступали и рукописи на иврите.

В первые недели немецкой оккупации ко мне пришла старая еврейская женщина с улицы Туру. Гетто тогда еще не было. На груди и спине у нее все

---

¹ Мировой порядок

же был магендовид². Она пришла потому, что сумела спасти из разгромленной синагоги торы и мегилы и спрятала их в деревянном сарае. Убежденная в том, что ее, как и других евреев, оставшихся в Тарту, скоро уничтожат, она просила, чтобы я помог сохранить святыне рукописи, забрал их к себе, а потом, когда вновь возродится синагога, вернул их евреям. Я пошел с тележкой, мы погрузили пергаментные свитки и закрыли их поленьями. В то время тележка с дровами была привычным явлением. Я привез свитки домой, но не рискнул их у себя оставить. По одному я переправил их в университетскую библиотеку, где они хранятся и поныне. Все же одну тору я себе оставил – с *Мегилат Эстер*. Я ее спрятал в кладовке. Когда осенью 1944 г, я встретил на улице бывшего директора еврейской гимназии Соломона, я ему сказал, что у меня хранится тора, и объяснил, как она ко мне попала. Соломон ответил, что он неверующий, но скоро в город вернутся старые евреи и он им расскажет, где хранится тора. Через какое-то время он ко мне пришел и предупредил, что завтра придут за торой. Я положил свиток на стол. Пришли два старика, надели *Талесы*³, прочли еремиаду, так как тора находилась в руках *гоя*. Затем сняли с себя белые шелковые *талесы*, завернули в них тору и ушли вместе с ней. Со мной они почти не разговаривали. Через несколько дней я получил письмо с благодарностью за спасение торы, написанное на иврите, идиш и эстонском языках. Свитки, которые я отнес в библиотеку, конечно, там и остались. Вскоре в Тарту собрался *миньен*.⁴ Так что тора оказалась на своем месте. Когда в Таллинне возродили синагогу, вернее, *beismidras (beth midrash)*⁵, свиток торы перевезли туда. Но оттуда ее украли грузинские евреи и, вероятно, продали в Америке. Хорошо, что *Мегилат Эстер* осталась у меня. Теперь она в отделе рукописей Литературного музея, куда я ее передал в числе других редких изданий, например, пергаментный свиток 11 века на грузинском языке, который приобрел между двумя войнами в антикварном магазине.

В университетскую библиотеку должны были поступить фонды литературы из еврейских библиотек Таллинна. Нас с Уку Маазиком послали в столицу, чтобы составить обзор книг, которые могли бы понадобиться университетской библиотеке. Работали мы несколько дней, но из Таллинна в Тарту в конечном итоге не поступило ни одного издания. Их послали куда-то в

---

² Звезда Давида, шестиугольная звезда.

³ Молельная шаль

⁴ 10 взрослых мужчин-евреев, необходимый кворум для чтения молитвы

⁵ Молельный дом

другое место, где, они, кажется, пропали. Особенно ценным было частное собрание Юлиуса Генса.

*****

Тогда моя фамилия была еще не Аристе, а Берг. Паул Берг – могло бы быть неплохим еврейским именем. Когда Фридеберт Туглас прочитал мою статью, он обрадовался, что теперь и у эстонцев есть свой «ученый еврей» в литературе, как у других народов. У нас тогда евреев-литераторов не было. Немного позже кто-то познакомил меня с Тугласом в кафе «Вернер». Явно с сожалением он тогда сказал: «Ах, да Вы и не еврей».

Мне всегда нужна какая-нибудь лошадка, на которой скакать. В 1926 г. увлечение эсперанто сменилось идишем и еврейской культурой. Этому, кстати, способствовала Эрна, которая, ненавидя эсперанто, фактически прикончила это увлечение в 1928 г., и я ходил на собрания эсперантистов секретно. Мое еврейское хобби тоже осуждалось, но здесь мое увлечение было настолько сильным, что до сих пор я охотно читаю еврейскую литературу и с удовольствием хочу говорить на этом мужественном, энергичном и богатом интонациями языке. Недавно я еще говорил *besser*⁶, или, как говорили евреи, *far ale jidn*⁷, но сейчас чувствую, что знание идиша уходит. Не стало евреев, с кем можно поговорить. Иногда во время одиноких прогулок беседую сам с собой на идише или шведском, но потом замечаю, что на меня обращают внимание и считают странным.

На идише были напечатаны две мои статьи – «Etleche jidishe folkslider in dem liderrepertuar fun di estn» (*JIVO Bleter*, n 3, 1932, стр. 148-157) и «Cu der haspoe fun jidish oif nitjidishe sprachn» (*JIVO Bleter*, n.11, 1937, стр. 83-85).

После того, как я в 1938 г. три раза выступил с докладами об эстонском языке и фольклоре в Виленском Еврейском научном институте, мне предложили для *JIVO Bleter* написать статью о нововведениях в эстонском языке. Приехав домой, я сразу же приступил к этой работе.

---

⁶ лучше

⁷ Для всех евреев (все понимают)

Разговаривать на еврейском языке я мог без труда, но писать было сложнее. В каждом предложении приходилось думать над орфографией слов на иврите, взвешивать словарный запас и т.д. Статья была закончена, но удовольствия я не испытал. Я даже получил корректуру, но в это время прекратил работу журнал. Вильно стал Вильнюсом, началась разрушительная немецкая оккупация. Страшно было думать о несчастиях Вильнюсского гетто, где и раньше хватало бед. Разогнали или убили Виленских любителей еврейского языка и культуры. С ними навсегда погибла и моя ненапечатанная статья. Я все же думаю, что ее черновик мог сохраниться в бумагах, которые я передал в отдел рукописей Литературного музея. Там, очевидно, имеется и всевозможная другая *иудаика*.

Потерялась еще одна статья на еврейские темы. Несколько лет я занимался чтением Старого Завета, чтобы выяснить, какие там, в переводе 1739 г., попадают гебраизмы. Раньше я уже указывал, что слово «*jaanalind*» (страус) прямо заимствовано из иврита. Одновременно было понятно, что к этой категории относятся и эстонские слова *kikajon*, *tuudaimimarjad*, *peemut* и др. Читая перевод А.Тора Хелле, я постепенно пришел к выводу, что он был сделан не прямо с иврита, как считалось, начиная с Реймана, в том числе и в балтийско-немецких источниках. Тор Хелле следовал переводу Лютера, но учитывал также ивритские подлинники. Это больше проявлялось в тех местах, где Лютер переводил в очень свободной манере. Я об этом написал статью, примерно, в 2 печатных листа.

Статья далась с большим трудом. Хоть результаты по объему невелики, но, по-моему, существенны, так как они опровергали существующую аксиому. Рукопись я отдал в *издательство Тартуского университета*. Там ее одобрили, но в процессе дальнейшей пересылки она потерялась, скорее всего, осела в архивах оккупационных цензоров в Таллинне или Риге. Из-за большого количества примеров на иврите статья была написана вручную. Копий не было, не сохранился и черновик. Писать ту же статью заново нет ни времени, ни, наверно, и смысла. Ведь сегодня значение Библии в истории литературы заметно уменьшилось. Тем не менее, мне хотелось бы когда-нибудь открыто обсудить вопрос, переводил ли Тор Хелле непосредственно с иврита.

Среди работ на темы иудаизма можно назвать еще статью К.Йоктона *Juutide ajalugu Eestis* (История евреев в Эстонии), на которую я написал рецензию. Большая по объему – статья о фольклоре «*Juut eesti rahvausus*» (Еврей в эстонских народных верованиях) («*Eesti kirjandus*», 1932). Эту статью почти полностью пересказал на еврейском языке Н.Генс (*JIVO Bleter*).

Когда я во время войны был не у дел, я читал еврейскую художественную литературу, из которой почерпнул много различных языковых мелочей. На полу-серьезе я написал статью о мета-анализе еврейского языка и избегании употребления синонимов. По переписке я познакомился с киевским еврейским филологом Спиваком. В одном из писем он спросил, нет ли у меня чего-нибудь для их изданий. Вот я и послал ему эту статью, после чего не получил никаких известий ни о статье, ни о самом тов. Спиваке. Так что по линии увлечения еврейством у меня было *fil mealtores, wejnik bekishores*⁸. Все же я собой доволен, потому что смог познакомиться с еврейским языком и культурой. Идиш, лучше, чем какой-либо другой язык, показывает, как на пути разветвлений и скрещиваний развивается новый язык. Особенно интересны в идише примеры скрещивания языков.

*****

В поездку в Финляндию я взял с собой подаренную мне Сорой и Иделем Якобсонами книгу Копеля Йоктона *Di geshichte fun di jidn in Estland* (История евреев в Эстонии). Автор ее был студентом. Книгу помогло издать Академическое общество еврейской истории и литературы, созданное при университете. Книга была интересна. Для ее чтения мне потребовалось больше времени, чем для книг с латинским алфавитом или на русском языке. Я уже тогда был графоманом и хотел познакомить с этой книгой эстонских читателей через журнал *Eesti kirjandus* (Эстонская литература).

В Падасйоки я писал рецензию поздними вечерами и ранними утрами, когда был один. Она была напечатана. Я даже получил небольшой гонорар. Это было очень кстати, так как на поездку в Финляндию истратил свои последние сбережения.

---

⁸ Много шума, мало толку.

Здесь уместно сказать об увлечении еврейством. Общаясь с еврейскими студентами, я неплохо преуспел в знании языка и научился писать. Я читал еврейские книги и газеты. Книги я брал в еврейской библиотеке и упомянутом еврейском академическом обществе. Члены его придерживались левой идеологии. Несколько раз я был приглашен на их собрания. Я стал хорошим другом Иделя Якобсона. Его родители были хасиды⁹, а сын – подпольный коммунист. Несколько раз меня приглашали в эту семью на *fraitik far nacht Shabes*¹⁰. Я сидел за столом, когда мать благословила свечи – *hot gebensht di lichtlah*. Ели фаршированного окуня и *цумес*¹¹.

Внезапно умерла мать Якобсонов. Я спросил у знакомых студентов-евреев, похоронили ли ее уже. По еврейским обычаям умершего хоронили в день смерти до захода солнца. Я знал, что в доме покойника его оплакивают – *zitsn shive*¹², сидят на низких скамейках или на полу. Вечером – поминальная молитва. Я пошел на ул. Нарва Маантээ (сейчас – Ленинградская ул.) после обеда. Вскоре начался закат солнца. Должны были собраться 10 мужчин, чтобы *davnen mairef*¹³ – молиться, повернувшись на запад, куда уходит солнце и куда попадают души умерших. В доме были только Идель и его отец. Не хватало еще 8 мужчин. Пришли всего 7. Солнце уже почти село, молитву нельзя было откладывать. Я стоял в сторонке. Старики что-то тихо обсуждали, встав в кружок. Потом один из них подошел ко мне. «Ты, конечно, *гой*¹⁴, но знаешь еврейские обычаи. И в синагогу ходил. Идем, тогда у нас соберется *minien*¹⁵. Мне дали молитвенник. Я пробормотал молитвы вместе со всеми. *Kadish*¹⁶ был сказан. Только позже я догадался, что мне была оказана большая честь – быть равным с еврейскими мужчинами. Другие евреи, которые не были в доме Якобсонов, услышали о том, что я *Gedavned mairef*¹⁷. Мне сказали – «Du bist itst kemat a ger» - « Ты теперь почти ставший евреем христианин». Иногда меня спрашивали, не еврей ли я, так как я говорю по-еврейски и знаю обычаи – *minhogim*, и я в шутку отвечал «я – *гер*».

---

⁹ Представители мистического направления в иудаизме

¹⁰ В пятницу вечером с наступлением святой субботы

¹¹ Субботняя еда

¹² Семидневный траур

¹³ Прочсть вечернюю молитву

¹⁴ Не еврей

¹⁵ 10 взрослых мужчин

¹⁶ Поминальная молитва

¹⁷ молился

Идель Якобсон сидел в тюрьме как коммунист. В 1940 г. его освободили, и он стал партийным работником. В 1941 г. он с сестрой Сорой (Соней) эвакуировался в тыл. После 1944 г. он занимал какой-то важный пост в Министерстве внутренних дел. Когда я был в тюрьме в 1945-46 гг. меня вызывали к нему на беседу или допрос, скорее, беседу. Мы разговаривали, как старые друзья. Я убежден, что он повлиял на мое освобождение. До этого он пригласил меня в свой кабинет, то есть приказал, чтобы меня к нему привели. Он поздравил меня с выходом из заключения и вернул водские рукописи, конфискованные вместе с другими бумагами, которые мне так и не возвратили.

*****

Я был хорошо знаком с глазным врачом и еврейским культурным деятелем Носсоном Генсом. Когда он услышал, что я собираюсь ехать в Париж, ему в голову пришла идея попросить меня принять участие в первом международном конгрессе по еврейской культуре, который должен был состояться одновременно с съездом лингвистов, на который я был приглашен. В Эстонии мало деятелей еврейской культуры. Вот и не нашлось подходящего кандидата, да и денег тоже. Мою же поездку оплачивал университет. Мне дали доверенность - мандат на еврейском языке на посещение съезда и приветствие присутствующих от имени евреев Эстонии. Дали адрес родственника Генса в Париже, который мог бы мне помочь попасть на съезд. Я пришел, показал свою доверенность и скромно уселся в зале на кончик стула. Вскоре за мной пришли и увели в президиум. Председательствующий объявил о присутствии на съезде представителя евреев Эстонии, назвав меня единственным делегатом неевреем. Это вызвало неожиданные аплодисменты. Мне дали слово, и я произнес приветствие, которое приведено в отчете о конгрессе (*Ershter alveltlekher kultur- kongress. Pariz, 17- 21 sept. 1937*). Там я познакомился с несколькими еврейскими писателями и получил от них в подарок книги. Меня пригласили на большой банкет, где я был гостем, то есть денег не платил. Курсировал между лингвистическим съездом и еврейским культурным конгрессом.